

И. П. МЕДВЕДЕВ

ГРЕЧЕСКИЙ ПИСЕЦ XV в. МЕФОДИЙ
И ЕГО ТРИ РУКОПИСИ

Оговоримся сразу: бесспорно принадле кащей перу писца Мефодия является лишь одна греческая иллюминированная рукопись (в двух томах), содержащая творения аввы Исаяи (так называемый митерик, духовные письма монахине Феодоре Ангелине, дочери Исаака II Ангела, составленные около 1200 г.) и хранящаяся ныне в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина — греч. № 243¹. На лицевой стороне листа 105 второго тома писец Мефодий оставил свой колофон «Θ(εο)ῦ τὸ δῶρον καὶ Μεθοδίου πόνο» и запись с датировкой окончания своей работы над изготовлением рукописи: † Τελετωθ(έν) κ(α)τ(ά) τὸ ζᾶνη — ω ἔτος ἰνδ. τριακαίδεκάτης (тут же имеется помета 1801 г. «Τὸ παρὸν εἶναι τριακοσίων πενήντη χρονῶν ἕως τῆς σήμερον, 1801—ω»), что соответствует 1449 или 1450 году. Е. Э. Гранстрем, которая также воспроизвела колофон в своем описании рукописи, почему-то забыла внести имя писца Мефодия в сводный указатель к своему каталогу рукописей², но эту оплошность исправили Э. Трапп и Х.-В. Байер, внося (со ссылкой на колофон, зафиксированный в описании Е. Э. Гранстрем) писца Мефодия в свой «Просопографический лексикон палеологовского времени»³.

На лицевой стороне листа I первого тома рукописи, сразу после заглавия «Вторая книга аввы Исаяи», рукой самого писца Мефодия прямо в текст внесена фраза: «Βίβλος καλλίστη. Ἐλένης Κατελουζένας, κυρᾶς μεγάλης αἰνοῦ» (т. е. «Прекраснейшая книга Елены Кателузуны, великой госпожи Эноса»). Порфирий Успенский, привезший рукопись из Иерусалима, считал эту Елену Кателузуны владелицей или заказчицей рукописи ГПБ (см. его собственноручную запись на первом листе бумаги, вклеенном в рукопись второго тома вместе с переплетом: «Рукопись 1450 года... Принадлежала Елене Кателузуны, великой госпоже города Эноса во Фракии, супротив Афона»). Так же, по-видимому, квалифицируют Елену Кателузуны В. Д. Лихачева, воспроизводящая запись Порфирия Успенского в своей статье, и Е. Э. Гранстрем, приводящая вышеупомянутую фразу о Елене Кателузуны в своем описании рукописи. И это было бы совсем неплохо, ибо, зная, кто такая она была (о чем нам еще предстоит сказать), можно было бы себе представить, в каких кругах родилась рукопись с наставлениями аввы Исаяи.

¹ Подробное описание см.: Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ: Вып. 7. Рукописи XV века // ВВ. 1971. Т. 31. С. 143—144 (№ 623). Ряд фотоснимков тех листов рукописи, которые содержат миниатюры (но вперемежку с кусками текста), воспроизведены в обстоятельной статье В. Д. Лихачевой «Роль бытовых реалий и пейзажа в миниатюрах рукописи Государственной Публичной библиотеки, греч. № 243» (ВВ. 1967; Т. 27. С. 229—242) и в ее замечательном альбоме: Византийская миниатюра: Памятники византийской миниатюры IX—XV вв. в собраниях Советского Союза. М., 1977. С. 21, 50—55.

² Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ: Вып. 8. Добавления, поправки и указатели // ВВ. 1971. Т. 32. С. 120.

³ Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit / Erstellt von E. Trapp, unter Mitarbeit von H.-V. Beyer. Wien, 1985. Fasz. 7. S. 178. N 17592. Впрочем, писец Мефодий был уже указан, со ссылкой на нашу рукопись, в каталоге: Vogel M., Gardthausen V. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Leipzig, 1909. S. 300.

Боюсь, однако, что мнение о Елене Каталузене как владелице или заказчице рукописи ГПБ ошибочно. Прежде всего, вышеприведенная фраза не является владельческой пометой в собственном смысле, ибо принадлежит не руке владельца, но писца текста рукописи, который к тому же продолжил запись о Елене Кателузене стихами (записанными, впрочем, прозой) о том, что книга послана возлюбленному чаду отцом, сопроводившим свой дар словами отеческого наставления дочери:

πεμφθὲν ἐκ πατρὸς | πρὸς γλυκύτατον τέκνον·
 φαῖνων παραινῶν· νουθητῶν τε καὶ λέγων· |
 εἰ θέλεις τέκνον τοὺς ἐμοὺς νοεῖν λόγους, |
 ἐν ἡσυχίᾳ κάθισον, ἐν σιωπῇ καρτέρει· |
 καὶ τῶν ἀρρένων πρόσωπα καὶ συντυχίας | φεῦγε·
 καὶ οὕτως κατατρέφῃσον τοὺς | ἐμοὺς τούτους λόγους·
 πηγγῆν ναύσαν | ἡθικῶν ὄρονον λόγων·
 Ἐνταῦθα φέρεις | εἰ μετέλθῃς γνησίως:—

Кто именно является автором стихов, кому и кем они адресованы, — сказать трудно (несогласованность причастия πεμφθεν с существительным βίβλος вообще может зародить подозрение, не относятся ли стихи к духовному чаду Феодоре Ангелине и к духовному отцу аввы Исаяе, не имея, таким образом, связи с записью о Елене Кателузене). Не похожа эта запись и на колофон писца с указанием заказчика, ибо в этом случае естественно было бы ожидать обычной формулы, выражающей поручение «критора»⁴ писцу изготовить рукопись и финансовое обеспечение предприятия при помощи слов ἀνάλωμα, δαπάνη, δόσις, ἔξοδος, καταβολή, μισθαποδοσία, или же таких формул как δι' ἐξωνήσεως, ἐξωνήθη, ἡγοράσθη и т. д.⁵ Возможно, что упомянутая фраза о Елене Кателузене была владельческой пометой, но не на ленинградской рукописи наставлений аввы Исаяи, а на той, которая послужила писцу Мефодию образцом для изготовления нового списка. Переписывая текст, он списал (скорее всего механически) и владельческую помету, которая теперь, вместе с сопровождающими ее стихами, довольно-таки нелепо начинает собою вторую книгу творений аввы Исаяи⁶. Подтверждение этому мы находим и в простой хронологии жизни так называемой Елены Кателузы, ибо она, к счастью, — лицо в науке известное.

Елена Кателузена — это, конечно же, Елена Гаттилузио (по-гречески обозначаемая еще Γατελιούζαινα), жившая где-то на рубеже XIV—XV вв. («um 1400» — обозначено в «Просопографическом лексиконе палеологовского времени»⁷), жена Николо I Гаттилузио (по-гречески обозначавшегося Νικολέζος Γατελιούζος)⁸, правителя Эноса с 1384 по 1409 г. (год его смерти) и представителя обширного генуэзского рода Гаттилузио, которому византийскими императорами были отданы во владение острова северо-восточной части Эгейского моря (Фасос, Самофракия, Имврос, Лемнос, Лесбос), другие территории, в том числе и на материке (в частности, как мы видели, порт во Фракии Энос) и т. д.⁹

⁴ Krumbacher K. Κτήτωρ: Ein lexikographischer Versuch // Indogermanische Forsch. 1909. Bd. 25. S. 393—421.

⁵ Treu K. Zum Kolophon des Codex Maurocordatianus // BS. 1978. T. 39. P. 207—208; Fonkič B. L. Zum Kolophon vom Jahre 1183 und der Datierung des Codex Maurocordatianus // BS. 1980. T. 41. P. 224—227.

⁶ Если неорганичность этой интерполяции в тексте сочинений аввы Исаяи не осознавалась писцом Мефодием, то об этом нечего даже говорить в отношении более поздних писцов, например писца рукописи XVI в. Ивирского монастыря на Афоне. См.: Lambros Sp. P. Catalogue of the Greek Manuscripts of Mount Athos. Cambridge, 1900. T. 2. P. 165. N 4652.

Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. 2 / Erstellt von E. Trapp, unter Mitarbeit von R. Walther und H.-V. Beyer. Wien, 1977. Fasz. 2. S. 153. N 3581.

⁸ Ibid. N 3582.

⁹ Miller W. The Gattilusi of Lesbos (1355—1462) // BZ. 1931. Bd 22. P. 406—447; Vacalopoulos A. E. Origins of the Greek Nation: The Byzantine Period. 1204—1461. New Brunswick (New Jersey), 1970. P. 216—221.

Учет биографических данных Елены Гаттилузио, при всей их скудости (упомянем еще, что она происходила, как будто, из знаменитого генуэзского рода Дориа), дает возможность предположить, что если все же в приведенных выше стихах речь идет именно о ней, то книга была подарена Елене Гаттилузио отцом скорее всего еще до ее замужества, иначе какой отец стал бы советовать своей замужней дочери упиваться в тиши рассказами аввы Исайи о благочестивых девах и избегать контактов с особами мужского пола! Есть две рукописи, палеографически датирующиеся концом XIV в., которые содержат «вторую книгу аввы Исайи» с надписью о принадлежности книги Елене Кателузене и могли бы, таким образом, послужить писцу Мефодию образцом для его рукописи: бумажная рукопись (в восьмерку, 106 листов) из монастыря св. Иоанна Богослова на Лесбосе (содержит и стихи)¹⁰ и обозначенная в каталоге Ламброса бумажная рукопись (в восьмерку) Ксенофонта монастыря на Афоне (неясно, впрочем, содержатся ли в ней сопровождающие запись о Елене Кателузене стихи)¹¹. К сожалению, из тех лапидарных аннотаций, которые мы находим в каталогах Пападопуло-Керамевса и Ламброса, составить хоть какое-то представление об этих рукописях не представляется возможным.

Как бы то ни было, все эти обстоятельства проливают некоторый свет на ту среду, в которой родилась рукопись, и на личность самого писца. Раз писцу Мефодию была доступна для копирования рукопись, некогда принадлежавшая «великой госпоже Эноса» и жене правителя Эноса и хранившаяся, по всей вероятности, в семейной библиотеке Гаттилузи, то он мог принадлежать к интеллектуальному окружению правителя Эноса, которым с 1409 по 1455 год был Паламед Гаттилузио¹². Как и все Гаттилузи, уже в первом поколении широко эллинизованные благодаря их родственным связям с императорскими домами Константинополя и Трапезунда, Паламед живо интересовался античной эллинской и современной ему греческой культурой. При его дворе частыми были ученые дискуссии, в которых принимал участие известный ученый Иоани Канавуцис, применявший к своему властителю высказывание Платона о царе-философе и по заказу Паламеда составивший комментарий к Дионисию Галикарнасскому (*Ioannis Canabutzae magistri ad principem Aeni et Samothracae in Dionysium Halicarnassensem Commentarius*)¹³; в Энос к Паламеду Гаттилузио приезжал знаменитый итальянский археолог Кириако Анконский, который в его сопровождении осмотрел «великую могилу Полидора, сына Приама», восхищался скульптурами фавнов, скопировал древнюю надпись с пьедестала мраморной статуи¹⁴ и т. д.

В подобной итало-греческой атмосфере вполне могли появиться и две другие греческие рукописи, о которых пойдет речь и атрибуция которых писцу Мефодию зиждется, однако, на таком не особенно прочном фундаменте, как отождествление почерков («не особенно прочном» именно в том отношении, что автор статьи отнюдь не может похвастать особыми познаниями в методике отождествления почерков; некоторые навыки в этом деле дают нам, тем не менее, основания хотя бы выступить с гипотезой).

Речь при этом идет о рукописи, хранящейся ныне в Лондоне в Британском музее (*Brit. Mus. Add. 8241*), и о рукописи из собрания нашей Государственной Публичной библиотеки (греч. № 118). Первая из них — это единственный список такого интересного памятника греко-визан-

¹⁰ *Papadopoulos-Kerameus A. J. Μαυρογορνάτειος βιβλιοθήκη. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1884. Σ. 149, Ν 9.*

¹¹ *Lambros Sp. P. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos. Cambridge, 1895. Τ. 1. Ρ. 64. Ν. 736.*

¹² *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Fasc. 2. S. 153. Ν 3583.*

¹³ *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1981. Fasc. 5. S. 81, Ν 10871. Об Иоанне Канавуцисе см. также ряд статей О. Диллера в: Byzantion. 1970. Т. 40. Ρ. 271—275; 1972. Т. 42. Ρ. 357—358.*

¹⁴ *Miller W. The Gattilusii of Lesbos. . . Ρ. 420—424.*

тийской «народной» литературы как «Родосские песни любви» или, как их теперь чаще называют, «Любовные игры» (Ἐρωτοπαίγνια) — небольшой сборник «эротических» стихотворений (714 нерифмованных «политических» стихов)¹⁵. Местом возникновения сборника, вслед за первым его издателем Вильгельмом Вагнером (1879 г.), еще и сейчас считается греческий остров Родос, что повлияло и на его название¹⁶. Между тем, уже Х.-Г. Бек убедительно, на мой взгляд, показал, что для такой определенной локализации нет достаточных оснований, что «в такого рода сборнике наперед маловероятно, чтобы все части принадлежали одному времени и одной местности», да и язык памятника «отнюдь не принуждает ограничиваться Родосом, даже если некоторые элементы указывают на греческий островной мир» и т. д.¹⁷

Свою роль в системе доказательств, мне кажется, должны сыграть и соображения палеографического характера, в частности, отождествление писца рукописи. Правда, возможности для этого крайне ограничены. К сожалению, нам не удалось заполучить микрофильм или фотокопию лондонской рукописи, и все, чем мы располагаем, — это факсимильное воспроизведение одной, видимо, совсем небольшого формата (в восьмерку) «странички» (лист 165) лондонской рукописи (в ней всего 15 коротеньких строк, включая заглавие)¹⁸, — слишком маленькая «территория», чтобы можно было на основании ее делать далеко идущие выводы. Не все способы в написании таких букв, как дельта, тау, гамма, кси, которые мы наблюдаем в почерке писца ленинградской рукописи, наличествуют в почерке, которым писана лондонская (например, из трех написаний буквы ξ ленинградской рукописи на факсимиле л. 165 лондонской встречается одно, да и то не самое употребительное — см. строки 3 сверху и 1 снизу), но зато все элементы «лондонского почерка» мы можем найти в «ленинградском почерке» (скажем, то же «малоупотребительное» написание буквы ξ довольно часто начинает встречаться во втором томе ленинградской рукописи, см., например: л. 20, 43 об., 44, 45, 58, 69, 113 об., 130, 135 об. и т. д.). Общий тип письма (минускульное письмо, относящееся к группе книжного курсива)¹⁹, расположение текста, написание, соотношение и наклон букв (в отличие от В. Д. Лихачевой, которая считает, что буквы стоят вертикально, без наклона²⁰, мы все же констатируем легкий наклон вправо, причем как в ленинградской, так и в лондонской рукописях), характер связок, сокращений и ударений — все это роднит оба почерка, делает возможным их отождествление. Несомненно, обладатель почерка (я думаю, мы вправе говорить уже об одном почерке, почерке Мефодия) — опытный писец, уверенный в своем мастерстве профессионал. И если наше отождествление верно, то это может иметь не столь уж мало важное значение для разрешения вопроса о происхождении текста «Родосских песен любви». В той итало-греческой интеллектуальной атмосфере, которая царила при дворе Гаттилузи, не только могли быть переписаны, но и записаны Ἐρωτοπαίγνια, хотя мы и не собираемся оспаривать утверждение Х.-Г. Бека о том, что лондонская рукопись представляет собою не первичную запись собрания

¹⁵ Критическое издание памятника см.: Ἐρωτοπαίγνια: (Chanson d'amour) / Ed. D. C. Hesselring et H. Pernot. P.; Athènes. 1913. Отрывки в русском переводе Т. В. Поповой и С. С. Аверинцева см. в кн.: Памятники византийской литературы IX—XV веков. М., 1969. С. 401—406. Краткую характеристику памятника и указание достаточно обширной литературы о нем см. в кн.: Beck H.-G. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971. S. 183—184.

¹⁶ См., например: Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Византийская литература эпохи расцвета (IX—XV вв.). М., 1978. С. 191.

¹⁷ Beck H.-G. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. . . S. 184.

¹⁸ Beck H.-G. Überlieferungsgeschichte der byzantinischen Literatur // Die Textüberlieferung der antiken Literatur und der Bibel. München, 1975. S. 491. Abb. 68.

¹⁹ Лихачева В. Д. Роль бытовых реалий. . . С. 231; Гранстрем Е. Э. К вопросу о византийском минускуле // ВВ. 1958. Т. 13. С. 227.

²⁰ Лихачева В. Д. Роль бытовых реалий. . . С. 231.

любвонной поэзии, но явно копию, отражая eine historisch äusserst bedeutsame Zwischenbilanz в истории бытования собранных в нем текстов, которые, впрочем, «и независимо от сборника продолжали жить, да и сейчас еще живут в греческой народной песне»²¹.

И наконец, предлагаю атрибуировать писцу Мефодию и третью из упомянутых рукописей (греч. № 118 из собрания ГПБ), имеющую столь же богатую, сколь и запутанную и противоречивую историографическую судьбу. Содержащая четвероевангелие, эта не без роскоши оформленная пергаменная иллюминированная рукопись (заголовки и инициалы писаны в ней золотом и красноватой краской) датировалась большим числом авторитетных ученых (Е. Мюральтом, Грегором, Д. В. Айналовым, В. Н. Лазаревым и др.) XV веком, но в статье В. Д. Лихачевой, специально посвященной данной рукописи, эта датировка объявлена ошибочной и высказано утверждение, согласно которому «впервые время написания текста было верно определено Е. Э. Гранстрем, указавшей, что почерк Евангелия представляет собой минускул XII в.»²²

Действительно, в своем кратком описании рукописи греч. № 118 наш авторитетный палеограф без всяких обоснований (которые, впрочем, и не предусмотрены принципами составления ее знаменитого каталога) выдвигает именно эту, в высшей степени неожиданную датировку (XII в.)²³, будучи, видимо, введена в заблуждение тем фактом, что рукопись писана на пергаменте (вещь уже достаточно редкая для XV в.), а также некоторым «архаизирующим» характером письма, которым написана рукопись²⁴. Между тем изучение этого письма, его особенностей убеждает нас в том, что кодекс принадлежит тому же писцу, что и две первые, нами выше обозначенные рукописи, т. е. Мефодию. Все элементы его почерка, которые он продемонстрировал, списывая текст творений аввы Исаии (в том числе и те из них, которые не встретились нам на маленьком пространстве листа 165 лондонской рукописи с текстом «Родосских песен любви», а именно — три способа написания буквы кси, особенности в написании таких букв, как дельта, тау, гамма), мы встречаем в греч. № 118.

Давно уже было замечено, что в живописном стиле тех миниатюр, которыми богато иллюминирована рукопись четвероевангелия²⁵, много западных черт, в связи с чем одни исследователи считают, что вся рукопись исполнена в XV в. в Италии²⁶, другие — что, будучи написанной на византийском Востоке, она в XV в. была привезена в Италию, где и была иллюминирована²⁷. Возможно, что она и побывала в Италии (может быть, с теми же Гаттилузи), — мы этого не знаем. Но если наше отожд-

²¹ *Beck H.-G. Überlieferungsgeschichte. . . S. 490.*

²² *Лихачева В. Д. Судьба одной византийской книги: Рукопись Государственной Публичной библиотеки, греч. № 118 // Книга: Исслед. и материалы. М., 1969. Сб. 18. С. 201—202, 206. (Здесь же см. указание литературы).*

²³ *Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ: Вып. 4. Рукописи XII в. // ВВ. 1963. Т. 23. С. 187, № 352. Эта датировка Е. Э. Гранстрем уже широко известна. См., например: *Belting H. Das illuminierte Buch in der spätbyzantinischen Gesellschaft. Heidelberg, 1970. S. 53. Да и мы, надо признаться, отдали ей должное (Медведев И. П. Мистра. Л., 1973. С. 148, примеч. 127).**

²⁴ В последнее время этот термин («архаизирующий минускул») обрел права гражданства по отношению к некоторым почеркам XIV в. (см., например: *Hunger H., Kresten O. Archaisierende Minuskel und Hodegonstil im 14. Jahrhundert // JÖB. 1980. Bd. 29. S. 187—236*), но он, нам кажется, годится и для некоторых почерков XV в., в том числе и для характеристики почерка писца Мефодия.

²⁵ Некоторые из них воспроизведены в альбоме: *Лихачева В. Д. Византийская миниатюра. С. 52—62.*

²⁶ См., например: *Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1947. Т. I. С. 362, примеч. 30. Правда, в новой редакции труда В. Н. Лазарева (М., 1986. С. 252, примеч. 56) говорится лишь о «миниатюрах западной работы либо работы учившегося на Западе грека».*

²⁷ *Гранстрем Е. Э. Каталог. . . Вып. 4. Рукописи XII в. С. 187. № 352 (отмечены «миниатюры итальянского происхождения, добавленные в XV в.»); Лихачева В. Д. Судьба одной византийской книги. . . С. 208—209.*

дествление корректно, то для того, чтобы быть иллюминированной по западному образцу, ей совсем необязательно было быть увезенной в Италию: итало-греческая среда, в которой она, по нашему мнению, родилась, вполне могла предоставить ей такие возможности.

Парадоксальным образом об этом же свидетельствует и еще один штрих. Как известно, на оборотной стороне листа 385 рукописи греч. № 118, слева на поле содержится замечательное по своей портретной выразительности изображение коленапреклоненной фигуры последнего деспота Мистры Димитрия Палеолога в монашеской одежде с надписью (позднее обведенной темно-коричневыми чернилами) 'Ο δούλος Χ(ριστο)ῦ τοῦ θε(ο)ῦ Δημήτριος Παλαιολόγος»²⁸. Григори поэтому считает, что четвероевангелие написано по заказу Димитрия Палеолога²⁹, а В. Д. Лихачева даже развивает целую теорию о том, что Димитрий Палеолог еще в бытность свою деспотом Мистры (т. е. до 1460 г.), но уже после падения Византийской империи в 1453 г. «добавил к иллюстрациям рукописи миниатюры, подчеркивающие его непосредственное отношение к византийскому престолу» (имеются в виду четыре миниатюры: Константин и Елена на л. 1 об., сфера с крестом на л. 2 об., двуглавый орел с короной на л. 3 и император Михаил VIII Палеолог на л. 22); что, «потеряв власть с приходом турок в Мистру и постригшись в монахи под именем Давида, он изобразил себя (впрочем, в другом месте статьи В. Д. Лихачева предпочла выразиться так: «приказал изобразить себя») уже монахом на листе рукописи»; что переехав в Италию, где он провел последние годы своей жизни, Димитрий Палеолог захватил с собой и Евангелие, «которое, несомненно, очень ценил»; что, наконец, именно там, уже после его смерти, в XVI в. были созданы и включены в Евангелие новые миниатюры, выполненные двумя итальянскими художниками, а именно Благовещенье на л. 21, Рождество на л. 25 об., Сретение на л. 22 об., Преображение на л. 123 об., Сшествие Св. Духа на л. 302 об. и др.³⁰

Нам неизвестно, какими источниками располагала В. Д. Лихачева, утверждая, что Димитрий Палеолог провел свои последние годы в Италии. Напротив, насколько мы знаем, Димитрий Палеолог ее (если не считать эпизода с выездом на Ферраро-Флорентийский собор в 1438—1439 гг.) никогда не посещал. Греческий ученый Д. Закифинос, рассмотрев все наличные источники по этому поводу, так представляет себе ситуацию: завоевав Пелопоннес и захватив Мистру, султан Мехмед II вернулся осенью 1460 г. в Адрианополь, уведя с собою в качестве почетных пленников Димитрия Палеолога, его семью и окружение. Женившись на дочери Димитрия, он отдал своему тестю во владение острова Имврос, Лемнос, Фасос и Самофракию, а также фракийский Энос, т. е., как видим, именно те территории, которые еще недавно принадлежали Гаттилузи. Правда, резиденцией Димитрия был Адрианополь, а управлял он Эносом и островами через уполномоченных им лиц, ограничиваясь сбором доходов (размер их достигал 700 тысяч серебряных монет), да и то недолго. В 1467 г. он впал в немилость у султана и был сослан в Дидимотику; умер, будучи монахом, в Адрианополе в 1470 г.³¹

Примерно этим временем и следует, очевидно, датировать появление его изображения в греч. № 118. Изготовленная, по всей вероятности, несколько раньше, при Гаттилузи, рукопись попала в конце концов

²⁸ См. отличное воспроизведение в альбоме: *Лихачева В. Д.* Византийская миниатюра. С. 62.

²⁹ *Gregory C. R.* Textkritik des Neuen Testaments. Leipzig, 1900. Bd. 1. S. 204. N 575. Cf.: *Treu K.* Die griechischen Handschriften des Neuen Testaments in der UdSSR. В., 1966. S. 71 f.; *Belting H.* Die Auftraggeber der spätbyzantinischen Bildhandschrift // Art et société à Byzance sous les Paléologues. Venice, 1971. P. 158.

³⁰ *Лихачева В. Д.* Судьба одной византийской книги. . . С. 206—209.

³¹ *Zakythinou D. A.* Le despotat grec de Morée. P., 1932. T. 1. P. 213, 221; Cf.: *Vacalopoulos A. E.* Origins of the Greek Nation. . . P. 212—213, 221.

к Димитрию Палеологу, который или сам распорядился украсить ее вышеназванными миниатюрами с изображением византийских государственных символов и самого основателя последней византийской династии, или, скорее всего, рукопись была преподнесена ему, новому властителю Эноса, его новыми подданными (может быть, даже самим писцом Мефодием и работавшими с ним миниатюристами), безусловно, заинтересованными в его благорасположении. Атрибуция всех трех рукописей одному писцу, если она будет признана правильной, превращает их, таким образом, из разрозненных и немых свидетелей прошлого в некое единое и красноречивое культурное целое.